

«Но ты такой, какой ты есть, и ты не можешь это изменить», — ответил Регулус, и над его бровями образовалась морщинка, которая всегда возникала, когда проявлялась его упрямая натура.

«Нет смысла рассуждать о том, что могло бы быть. Ты здесь, и ты сын короля. Ты должен наконец принять, что это твоя жизнь».

«А если я не хочу это принимать? Что, если я не хочу принимать, что это всё?» — спросил Сириус, проведя рукой по волосам. По словам его матери, они были слишком длинными, но он отказывался их стричь короче.

— Чего ещё ты хочешь? — Регулус широко раскрыл глаза, как всегда, когда думал, что его старший брат знает ответы на все вопросы во Вселенной, и Сириус грустно улыбнулся. — Тебе иногда не хочется оставить всё это позади и жить жизнью, которая сделает тебя по-настоящему счастливым?

— Ты имеешь в виду... сбежать? — Регулус прошептал эти слова, словно сам факт их произнесения мог доставить ему неприятности.

— Ну же, Реджи, не пытайся говорить мне, что ты никогда не задумывался о том, что находится за пределами этого дворца. Там целый мир чудес, который только и ждёт, чтобы его открыли, — объяснил Сириус, уткнувшись лбом в лоб Регулуса.

«Мы могли бы вместе уехать и увидеть все то, что знаем только из книг. Мы могли бы отправиться в приключение, ты и я», — пробормотал он, чувствуя, как Регулус слегка расслабляется, прижавшись к нему. Они могли бы разорвать цепи и найти для себя новое предназначение. Им больше никогда не придется страдать от рук матери, им больше никогда не придется терпеть, когда отец наказывает их, им больше никогда не скажут, что они живут не для себя, а для королевства.

Перспектива оставить после себя лишь ещё одно поколение с тем же именем в наследство была мрачной, особенно учитывая, что Сириус давно мечтал о гораздо более светлом будущем, и идеальной версией этой мечты стало бы присутствие Регулуса рядом.

«Ты прекрасно знаешь, что мы не можем просто убежать. Они будут искать нас и найдут», — тихо сказал Регулус, и Сириус пожал плечами.

«Я защищу нас от них. Они никогда не доберутся до нас, ты просто должен мне доверять. Ты же мне доверяешь, правда, Реджи?» - Сириус поднял глаза, его взгляд встретился со слегка страдальческим взглядом брата.

Он знал, что Регулус желает того же. Но он также знал, что никогда просто так не уйдёт. Даже когда Сириус умолял его на коленях.

Внезапно дверь распахнулась, и их мать, всегда как грозное привидение, ворвалась в комнату с пылающим взглядом ярости, ищущей свою жертву.

«Ах, вот вы где. Почему вы сидите на полу, как два бродяги? Ну же! Вставайте, оба!», — приказала она с резким движением руки, и Регулус быстро поднялся на ноги, а Сириус не спешил.

Мать пренебрежительно посмотрела на него, заметив помятую одежду, поджав губы и приподняв одну бровь.

«Регулус, иди к отцу. Мне нужно поговорить с твоим братом наедине», — сказала она ровным, чистым голосом, и Регулус слегка кивнул. Он бросил на Сириуса последний взгляд, прежде чем направиться к двери, его походка была напряженной, и дверь тихонько захлопнулась. Вальбурга сложила руки перед собой, подняв подбородок так высоко, что смотрела на Сириуса сверху вниз, и он понял, что должно произойти.

«Думаю, не нужно объяснять, что если бы у нас был выбор, ты бы не был первым в очереди на трон», — начала она, и Сириус скрестил руки на груди.

«И всё же ты заявляешь это прямо сейчас», — процедил он сквозь зубы, и не прошло и секунды, как рука матери со свистом, словно смертоносный снаряд, ударила его по щеке.

Жгучая, пронзительная боль, мгновенно пронзившая кожу и распространившаяся по левой стороне лица, была знакома, как скрип половиц, когда он, будучи маленьким мальчиком, пытался пробраться ночью в детскую Регулуса, чтобы успокоить плачущего младенца.

«Не смей меня перебивать, Сириус. Я твоя мать, и как таковая я заслуживаю не меньше, чем твоего уважения и непоколебимой преданности», — резко выпалила Вальбурга, и Сириусу пришлось сдерживать язык, чтобы не ответить резко.

«Мы оба знаем, что ты не создан для правления, но мы были бы ничем без наших традиций, поэтому мы должны чтить путь наших предков. Ты мой первенец, ты наследник своего отца, и ты будешь равен ему по достоинству и будешь исполнять свой долг, ты меня понимаешь?»

Она схватила его за плечо одной рукой и заставила посмотреть на нее.

Ее пальцы были холодными, а ногти впились ему в челюсть. Сириус был твердо убежден, что в ее теле нет ни капли тепла, что она совершенно неспособна проявить нежность и что единственный человек, ради которого она готова пожертвовать всем, — это она сама.

«Не испорти все. Сегодня ты не можешь позволить себе ошибок. Я знаю, мысль о том, что ты меня разочаруешь, наполняет тебя волнением, но уверяю тебя, что если ты сегодня будешь вести себя неподобающе, последствия будут ужасными», — продолжила Вальбурга, и рука на плече Сириуса схватила его за волосы.

Он зашипел, его голову резко отдернули назад, и мать в очередной раз напомнила ему хищника, готового вонзить свои ядовитые клыки ему в незащищенное горло, чтобы нанести последний удар.

«Помни, если ты потерпишь неудачу, Регулус тоже пострадает», — прошептала она, ослабив хватку и почти заботливо похлопав его по щеке, которая все еще горела после удара. Сириус посмотрел на нее снизу вверх. Одно дело, когда она угрожает ему, но он не собирался позволять ей причинять боль Регулусу.

Проблема заключалась в том, что что бы он ни делал, у него никогда не получится сделать это правильно. Мать никогда не увидит в нем ничего, кроме позора для семьи.